

Старший брат Петра

Давайте войдем в положение юноши, чуть ли не на руках внесенного на отцовский престол. Его любимые тетки и сестры, оскорбленные второй женитьбой Алексея Михайловича и поведением мачехи (позволявшей себе даже появляться с открытым лицом перед народом, заведшей театр, танцы и прочие «безобразия»), наверняка требовали удалить Наталью Кирилловну и ее отпрыска от двора – а ведь именно они ухаживали за больным царем!

Любимая мамка, нянчившая Федора с младенчества, боярыня Анна Петровна Хитрово, суровая постница и богомолка, обвиняла перед своим воспитанником в страшных преступлениях и А.С. Матвеева, и Нарышкиных, – а ведь царь знал о ее безусловной преданности и позже доверил попечению боярыни свою молодую жену. «Дядька» Федора, Иван Хитрово, сын всесильного главы дворцового ведомства боярина Богдана Матвеевича, любовно воспитавший царевича и оставшийся одним из доверенных приближенных царя, поддерживал требование своей родственницы, как и многие другие придворные.

Хитрово и виднейшие политические деятели бояре князья Долгоруковы сразу по воцарении Федора решили поделить власть с Милославскими, высланными в конце царствования Алексея на воеводства, а ныне спешно вызванными в Москву. Они, очевидно, не сомневались в падении Матвеева и Нарышкиных: так происходило всегда, это был естественный ход событий. В свое время Матвеев сверг А.Л. Ордина-Нащокина, женил Алексея на Нарышкиной и стал канцлером, а Нащокин отправился «в места не столь отдаленные». Теперь наступило время расплаты, но она почему-то откладывалась.

А.С. Матвеев, который поначалу, как отметили голландские послы, попросту плакал, 31 января неожиданно дал иностранцам твердые гарантии, что политика России не меняется и для него лично «при дворе и теперь все останется по-прежнему»: «Все те же господа останутся у власти, кроме разве того, что ввиду малолетства его царского величества четверо знатнейших бояр будут управлять наряду с ним».

По мнению иностранцев, имелись в виду Б.М. Хитрово, Ю.А. Долгоруков, Н.И. Одоевский и А.С. Матвеев. Мы, зная о соглашении за спиной последнего, должны назвать четвертым И.М. Милославского, встречать которого при возвращении в Москву с воеводства выехал за город чуть не весь царский двор. Подразумевалось (и это хорошо выразил Матвеев), что система власти останется как при Алексее Михайловиче, когда малочисленная Боярская дума (около семидесяти человек, в том числе двадцать три – двадцать пять бояр, из которых многие пребывали в армиях и городах вне столицы) выдвигала лишь нескольких активных членов, пользовавшихся особым доверием государя, который руководил с помощью

первого министра-фаворита и контролировал администрацию через личную канцелярию – Приказ Тайных дел.

К 1676 году Думе даже особо незачем было собираться. Но при Федоре все пошло наперекосяк: обвальная перемены в верхах не произошло, вместо регентского совета стала постоянно заседать вся Дума, а привычный уже Приказ Тайных дел царь немедленно упразднил, подчеркнув, что отказывается использовать учреждение, стоящее вне единой административной системы.

Шел месяц за месяцем, а Матвеев и Нарышкины сидели на своих местах! Отец ненавистной для всего окружения Федора царской мачехи боярин Кирилл Полуектович Нарышкин продолжал руководить важнейшими финансовыми приказами – Большой казны и Большого прихода – до 17 октября 1676 года. В «Истории о невинном заточении» боярина А.С. Матвеева подробно рассказывается, что лишь ценой чрезвычайных усилий большого количества придворных и с привлечением обиженных канцлером иностранцев удалось убедить Федора Алексеевича сместить главу дипломатического ведомства и в июле 1676 года удалить его от двора на воеводство.

Понадобились новые ужасные клеветы, чтобы в июне 1677 года царь согласился заменить недоверие к А.С. Матвееву на его ссылку, причем самым сильным для государя обвинением стало, видимо, незаконное обогащение боярина. В том же 1677 году братья царицы-мачехи Иван и Афанасий Нарышкины по обвинению в подготовке убийства Федора Алексеевича были приговорены боярами к смерти, но царь лично заменил казнь недалекой ссылкой.

В связи с этим страшным делом появился указ от 26 октября 1677 года о строительстве для царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра новых хором в отдаленном углу дворцового комплекса. Но одно лишь обращение маленького Петра к брату сорвало все планы сторонников Милославских: Федор Алексеевич запретил приближенным даже упоминать при нем о переселении мачехи и к 1679 году сам переехал в новые хоромы!

В этой связи довольно нелепо выглядит утверждение историков XVIII и XIX веков о том, что юный царь «хилаго телосложения, слабого здоровья», «совершенно болезненный человек», имел власть «лишь номинально», что «от имени осмнадцатилетнего, слабого и больного Феодора» правили другие лица. Основа этой версии была зафиксирована еще в труде английского историка Крюлля (1699 год), опиравшегося на сообщение одного из участников петровского «великого посольства».

В чеканном виде позиция, завоевавшая господство в общественном сознании на века, была сформулирована уже в летописи конца 1730-х годов. Н.П. Крекшин в первой и И.И. Голиков

во второй половине столетия в один голос расхваливали любовь и заботу Федора по отношению к Петру и его семье, но реальным правителем за государя называли боярина И.М. Языкова. В XIX веке Н.Г. Устрялов счел главным действующим лицом политической драмы И.М. Милославского, который «при содействии дядек и нянек юнаго Федора» воздействовал на «больного, хилаго» царя. П.К. Щербальский прибавил к числу руководителей Федора Алексеевича царевен, среди которых выделялась Софья Алексеевна, и князя В.В. Голицына. По М.П. Погодину, реальными правителями были Милославские, затем И.М. Языков и братья Лихачевы при поддержке кланов Хитрово и Долгоруковых.

С.М. Соловьев, открывая главой о царствовании Федора Алексеевича повествование о Новой истории России, постарался тщательно отделить его преобразования от деяний Петра, дабы не нанести ущерб легенде о великом императоре. «От слабого и болезненного Федора, – поспешил уверить великий историк, – нельзя было ожидать сильного личного участия в тех преобразованиях, которые стояли на очереди, в которых более всего нуждалась Россия, он не мог создать новое войско и водить его к победам, строить флот, крепости, рыть каналы и все торопить личным содействием; Федор был преобразователем, во сколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни».

Н.И. Костомаров и Д.И. Иловайский, развивая наблюдения С.М. Соловьева о преобразованиях царствования Федора Алексеевича, не рискнули поднять вслед за великим предшественником вопрос о личном участии государя в реформах и тем самым побудить читателя к сопоставлению фигур Федора и Петра. Я говорю «не рискнули», имея в виду довольно обширный опыт попыток совершенно иной оценки личности старшего брата Петра.

Оставляя в стороне «Синописис» (Киев, 1680 год) и другие сочинения времени царствования Федора Алексеевича, обратимся к парсуне, написанной на втором столпе Архангельского собора, слева от гробницы юного государя. Вот основные положения текста.

Юный государь был «одарен постоянством царским», благочестием, «долготерпением и милосердием дивным», воистину «сей бе престол мудрости, совета сокровище, царских и гражданских уставов охранение и укрепление, прением решение, царству Российскому утверждение». Он стремился к умножению благополучия народа – «и во всем его царском житии не обреташеся таковое время, в нем же бы ему всему православию памяти достойного и Церкви любезного дела не соделати!»

Федор Алексеевич был страшен неприятелям России, счастлив в победах, «народу любезен». Он принес стране мир, вывел множество людей «ис тьмы магометанства и идолопоклонства», освободил православные села и деревни из мусульманского подданства, выкупил «многое число» людей из плена, «пречудно» украсил церкви.

Царь постоянно помышлял об обучении «российского народа» университетским наукам, определил для устройства университета Заиконоспасский монастырь в Китай-городе и написал для него «чудную и весьма похвалы достойную царскую утвердительную грамоту». Он построил каменные дома для убогих и нищих на казенном коште, и «оных упокояше многия тысящи».

Федор Алексеевич простил народу недоимки и облегчил налоги. Он отменил местничество; «преизрядно обновил» царский дворец, Кремль и Китай-город; ввел новое платье. Государь еще многое совершил и планировал совершить «полезного и народу потребного», но скончался как христианин «сего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным».

Надпись, сделанная при царице Софье, с избытком подтверждается подлинными документами – прежде всего многочисленными именными (личными) указами Федора Алексеевича, рукописями проектов и т. п. Разумеется, любящая сестра хотела похвалить единокровного брата – но те же оценки воспроизвели в 1680-х годах летописцы политического противника Федора и Софьи патриарха Иоакима, в том числе его приближенный иеромонах (позднее казначей) Чудова монастыря Боголеп Адамов. Уже после падения Софьи, при патриархе Адриане, чрезвычайно высоко оценил деятельность Федора патриарший казначей Тихон Макарьевский, а другой патриарший летописец уподобил давно почившего государя Соломону.

Следует ли говорить, что все эти сочинения только сейчас начинают (с большими трудностями) публиковаться?! Больше повезло «Созерцанию краткому» Сильвестра Медведева, в котором подробно рассмотрены реформы последнего года царствования Федора и подчеркнуто личное участие государя даже в работе его мастеров и художников. Записанное около 1688 года «Созерцание» вышло сто лет спустя; впрочем, автор его еще в 1691 году был казнен на Лобном месте за проповедь, что народ имеет право «рассуждать».

Просветитель Сильвестр Медведев лично сотрудничал с весьма уважавшим его царем Федором и может быть обвинен в пристрастности. Но высокую оценку личности Федора как преобразователя зафиксировал в 1687 году магистр юриспруденции Георг Адам Шлейссингер, а в конце XVIII века ее подтвердили финско-шведский историк Х. Г. Портан, французские ученые М. Левак и Н. ле Клерк.

Русские же ученые, такие как Татищев и Г.Ф. Миллер, пытавшиеся взглянуть на деяния Федора по возможности объективно, заранее писали «в стол» (сочинение первого издано в 1966 году, второго – не опубликовано до сих пор). Только митрополит Платон в 1805 году осмелился несколькими словами намекнуть, что «просвещение и поправление» Федора

было предпочтительнее петровского. Платон был осторожен и защищен саном, зато французы получили гневную отповедь «Русского вестника» за то, что, «единодушно выхваляя царя Федора Алексеевича», наполняют свои сочинения «клеветой на отечественные наши летописи», «ухищренным витийством» и «нелепыми бреднями».